РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Санкт-Петербургский филиал
Института востоковедения

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

1
весна — лето
2004

Журнал основан в 2004 году
Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

А.Г. Сазыкин. Ранний монгольский перевод рассказов о пользе «Алмазной сутры» 7

Ма Жун. Книга о верности. Предисл., пер. и примеч. И.Ф. Поповой 60

ИССЛЕДОВАНИЯ

А.И. Колесников. Материалы к характеристике политической и этноконфессиональной ситуации в восточном Иране и Хорасане (по сведениям мусульманских географов IX–XII вв.) 69

Ж.С. Мусаэлян. Мела Махмуд Баязиди и его первый перевод «Шараф-наме» Шараф-хана Бидлиси на курдский язык 98

И.С. Гуревич. К характеристике языка памятников жанра *пинхуа* (平 話) периода Сун–Юань 108

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

О.Ф. Акимушкин. К вопросу о среднеазиатских переплетах рукописных книг (30-е годы XVIII — 30-е годы XX в.) 143

Е.И. Кычанов. Несколько предварительных замечаний по поводу тангутского текста «Собрание слов, передаваемых от одного к другому в трех поколениях» 147

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2004

Вал.В. Полосин. Рукописи каллиграфической школы Ибн Муклы (проблема идентификации) 160

О.П. Щеглова. Коммерческие каталоги индийских книгоиздателей 177

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

М.И. Воробьева-Десятовская. К истории сложения буддийского канона: проблема языкового разнообразия и авторства буддийских канонических текстов 200

РЕСТАВРАЦИЯ И ХРАНЕНИЕ

Л.И. Крякина, И.Н. Кулешова. Физико-химические исследования и реставрация тангутских рукописей и ксилографов XII в. из коллекции СПбФ ИВ РАН 219

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Т.В. Ермакова. Научная конференция «Научные экспедиции в Китай и Центральную Азию в первой трети XX в. К 140-летию С.Ф. Ольденбурга (1863–1934)» 243

М.И. Воробьева-Десятовская. Собрание восточных рукописей СПбФ ИВ РАН. Несколько слов об истории Азиатского музея 246

РЕЦЕНЗИИ

Е.И. Кычанов. Агван Доржиев. Занимательные заметки: Описание путешествия вокруг света (Автобиография) 252

А. Гордин. С.М. Якерсон. Еврейская средневековая книга: Кодикологические, палеографические и книговедческие аспекты 253

На четвертой сторонке обложки:

л. 13b–14a рук. Q 415 сборника рассказов о пользе «Алмазной сутры» из собрания СПбФ ИВ РАН (к статье А.Г. Сазыкина)

Над номером работали:

Р.И. Котова
Л.Л. Михалевский
Э.Л. Эрман
И.Г. Ким
О.В. Волкова
Е.В. Катышева
А.В. Богатюк

© Российская академия наук, 2004
© Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения, 2004

Е.И. Кычанов

© 2004
Санкт-Петербург

Несколько предварительных замечаний по поводу тангутского текста «Собрание слов, передаваемых от одного к другому в трех поколениях»

Зарегистрированная под инв. № 4166 печатная книга на тангутском языке «Собрание слов, передаваемых от одного к другому в трех поколениях» давно привлекает внимание тангутоведов.

Сочинение, вероятно, впервые упоминается в списке книг на тангутском языке, составленном А.А. Драгуновым, и помечено Ван Цзинжу как сочинение, содержание которого «не установлено»[1].

Книга по непонятным причинам не была занесена в инвентарь Н.А. Невским, а после 1937 г. и А.А. Драгуновым. Эта работа выпала позже на делающего тогда только первые шаги в тангутоведении автора этих строк, который передал название сочинения в подстановке китайских знаков под тангутские как «Сань ши шу мин янь цзи вэнь», а по-русски как «Собрание светлых слов, принадлежащих трем поколениям» с аннотацией «Сборник тангутских литературных произведений в стихах и прозе, преимущественно религиозно-нравоучительного содержания, иногда с краткими толкованиями». Были названы имена составителей текста монахов Хуй Мина и Дао Хуя и имя резчика досок для печати как Ян Цзинь, ошибочно без указанния в колофоне его фамилии Чэнь[2]. Под этим названием книга не раз упоминалась разными авторами, пока в 2000 г. китайский специалист по изучению Си Ся проф. Ши Цзиньбо не представил несколько уточненный перевод названия книги «Сань дай сян чжао янь вэнь цзи», который и я принимаю на данный момент и передаю по-русски как «Собрание слов, передаваемых от одного к другому в трех поколениях»[3].

Книга оказалась замечательна тем, что в ее колофоне четко указано, что она отпечатана набором, подвижным шрифтом (это не сразу было понято). Ниже я позволю себе остановиться на двух моментах — на характеристике содержания книги в самой общей форме и на способе ее напечатания.

Для начала позволю себе предоставить читателю полный перевод колофона:

«Мы, недостойные, слышали: в глубокой древности слова добродетели были раскрыты в сутрах Будды, в большом числе разошедшихся по вселенной... Были собраны чаньские песнопения, наставления восьми категорий[4]. В данном случае мы говорим о представлении книги [чаньских песнопений] одной категории [одного вида, жанра]. Мы всей душой (всем сердцем) следуя заветам предков, [как] ветки, влекомые тече-

---

Кычанов Евгений Иванович — д.и.н., зам. директора по науке СПбФ ИВ РАН.

[1] *Dragunov A.A.* A Catalogue of Hsi-Hsia (Tangut) Works in the Asiatic Museum. Academy of Science. Leningrad, 1937. № 31. Го ли Бэйпин тушугуань гуанькань. Т. 4. Вып. 3. Си Ся чжуань хао. Бэйпин, 1930 (1932). С. 376.

[2] Тангутские рукописи и ксилографы. Сост. З.И. Горбачева и Е.И. Кычанов. М., 1963. № 27. С. 54–55.

[3] *Ши Цзиньбо, Ясин Ашури.* Си Ся хэ хуйху хо цзы иньшуа шу яньцзю (Изучение техники книгопечатания подвижным шрифтом в Си Ся и у уйгуров). Пекин, 2000. С. 56.

[4] Восемь категорий (видов, жанров) чаньских песнопений.

нием, достигли песков[5], чтобы передавать от одного к другому лампу [Учения], с тем чтобы не исчерпались прекрасные слова и распустились цветы [истинного знания]. Среди прочих книг нет подобной этой. Ныне в собственном государстве (Великом Ся. — *Е.К.*) немало своих процветающих семей, три поколения [последователей Чань] с блеском передают путь от одного [поколения] к другому, дожди Учения, проливающиеся из облаков, распространились на четыре моря[6]. Два Высокочтимых будды (Будда Шакьямуни и будда Амида) помогают друг другу, и шум ветра Учения слышен в восьми направлениях[7]. Мы, ничтожные, и другие участвуем в собраниях [последователей] прекрасного Учения, знаем разные дела и о [разных делах] слышали, драгоценных гор достигли и с пустыми руками не возвращаемся. В изложенных текстах [мы], почтенный друг Хуй Мин и странствующий монах Дао Хуй, по обету глубокое и важное записали. От недавних и нынешних знающих истину учителей прежние наставления, которые имелись, полностью собрали, чтобы усердно передать другим, и по пятидесяти разделам составили. Их [тексты] много раз проверяли с учителями, последовательно установили места, требующие поправок (комментариев). Когда основных текстов недоставало, то в разделах „рука [наставлений] древности" — шесть песен, „нынешние указания" — три раздела, „от себя" — тринадцать, пользовались другими [текстами]. „Внутренние (знак испорчен) двадцать (?) и внешние запреты" — шесть (лакуна) — все также защищены от людских упреков (лакуна) и истинны. Среди этих [представленных здесь текстов] недостает только тех, до которых не дошли [наши] глаза и сердца (лакуна). [Эти тексты] знающие люди соберут и передадут в другое время, и [они] будут востребованы полностью.

Совершив это доброе дело, единственно желаем, чтобы жить долго-долго со всеми добрыми друзьями, а там, где получим [новое] рождение, встретить добродетельных учителей и стать сосудами-вместилищами истинной дхармы. Книга веры должна быть полной, истины, которых придерживались деды, должны светить ярким светом. Кроме того, желаем, чтобы нынешний, следующий истине император воспринял престол будды, все великие князья и высшие чиновники искренне достигли колесницы Учения, государство и народ избавились от всего дурного, ложного, стремились к добродетели и получили [пере]рождения в пределах Учения. [Чтобы] покинувшие семьи [монахи] процветали, чтобы все-все откликнулись на призыв и все вместе встали на путь [Учения] Будды.

Чистой веры заказчик, родственник государя Хуй [Мин]
Чистой веры созаказчик Ша Дао Хуй
Тот, кто сделал новые знаки для набора текста, Чэнь Цзи-цзинь»

Обратимся к началу книги. После заглавия текст ее открывается благопожеланием:

[У] предков, вверивших себя [Учению] Будды,
[У] всех основоположников-наставников
Мы слов истины
С их внешним (букв. «макушечным») и внутренним смыслом просим,
[Чтобы] мы вечно желанными в соответствии с кармой
Семенами пути стали.
И в число тех, кто следуют истинной, добродетельной дхарме,
Смогли войти!

Следующие два стиха — «Гата об обителях и пути сынов Шакьямуни Белого облака» и «Песнь о совершенном знании великих наставников Белого облака» ясно указы-

[5] Территории Си Ся, песков Ордоса и Алашаня.
[6] Всю Поднебесную, всю вселенную.
[7] То есть повсюду.

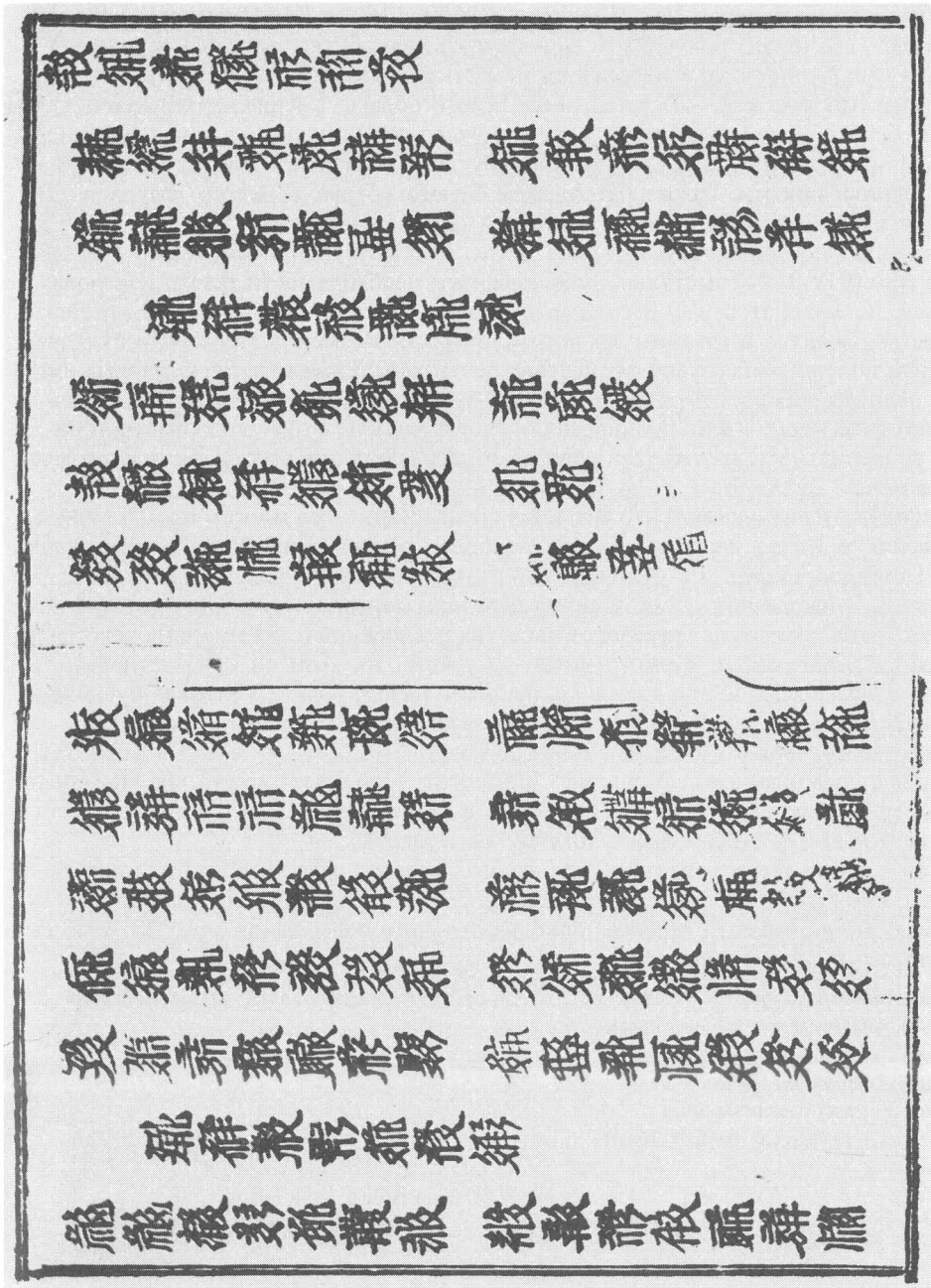

Рис. 1. Лист 1

вают на принадлежность текстов к буддийскому учению Чань (дхьяна), школе Белого облака. Школа Белого облака (Бай юнь) как раз возникла во времена существования тангутского государства Ся и являлась ответвлением учения Белого лотоса[8]. Основателями школы считаются Мао Цзыюань (1086/88–1160) и Кун Цинцзюе (1043–1121). Название свое школа получила от монастыря Белое облако, хотя оба основателя начинали свою проповедь в небольших монастырях. Последователи школы именовались еще Бай юнь цай — Вегетарианцы Белого облака. Специалисты полагают, что школа Белого облака была прежде всего ориентирована на мирян, верующих буддистов из числа образованных чиновников. Буддизм становился как раз частью китайской образованности. Позже патронажем Белого облака и Белого лотоса в 1296–1308 гг. в г. Ханчжоу был издан буддийский канон[9].

Нарастает контроль государства за деятельностью буддийских общин. Наставник Цзун Нин (919–1001) выступил с обоснованием необходимости такого контроля. По его мысли, император, как бесспорный глава китайского государства и китайского общества, является и главным законным контролером всей деятельности буддистов. Буддизм полезен императору для ведения дел страны. Каждая из трех главных китайских религий (каждое из главных учений) — буддизм, конфуцианство и даосизм занимают свое место в функционировании государства. Поэтому долг императора следить за деятельностью этих трех религий и направлять эту деятельность в интересах государства[10].

Исследователи полагают, что традиция школы Чань — во многом продукт времени правления в Китае династии Сун, а не более ранней Тан. Российский буддолог Е.А. Торчинов писал, что «процесс институциализации Чань завершается в XI–XII вв.»[11]. В настоящее время имеются переводы чаньских текстов на русский язык, однако среди таковых нет переводов чаньских песнопений (стихотворных текстов)[12].

Что касается рекомендуемого читателю текста, то, хотя он и не датирован, его можно отнести к XII в. или даже к концу XII — началу XIII в., учитывая публикацию его набором. Тангутский язык текста позволяет отнести его принадлежность к тангутскому государству Си Ся или Великое Ся (982–1227 гг.), тем более что в тексте есть ода с упоминанием государства Ся. Наличие этой оды и отсутствие упоминания имен переводчиков заставляет даже думать о вероятности изначального составления этих стихов на тангутском языке, хотя бы части таковых.

В свое время автор этих строк опубликовал перевод оды, которая была посвящена государству Ся[13]. Учитывая степень изученности тангутского языка тех лет, это скорее был эмоциональный пересказ приблизительного содержания оды. Позволю себе предложить ее новый перевод:

Ода славному дому
и собственному пути государства Ся

Одержаны великие победы,
Надежен свой авторитет.
Нет на чужих глазах бельма,
То, что достигнуто, открыто и ясно!

---

[8] *Ter Haar Brend.* White Lotus Teaching in Chinese Religious History. Leiden, Brill, 1992.

[9] Buddism in the Sung. Ed. by P.N. Gregory and D.A. Getz // A Kuroda Institute Studies in East-Asian Buddhism. 13. Honolulu, 1999. P. 506.

[10] Buddhism in Sung. C. 38.

[11] *Торчинов Е.А.* Введение в буддологию. Курс лекций. СПб., 2000. С. 196.

[12] Линь-цзи лу. Вступит. ст., пер. с кит., коммент. и грамматический очерк И.С. Гуревич. Памятники культуры Востока. XV. СПб., 2001; Буддизм в переводах. Альманах. Вып. 1. СПб., 1992, пер. Е.А. Торчинова и К.Ю. Солонина. С. 35–128; Альманах. Вып. 2. СПб., 1993. С. 88–99; Чаньские истины. Пер. с кит., предисл. и коммент. К.Ю. Солонина. СПб., 1998.

[13] *Кычанов Е.И.* Очерк истории тангутского государства. М., 1968. С. 277–278.

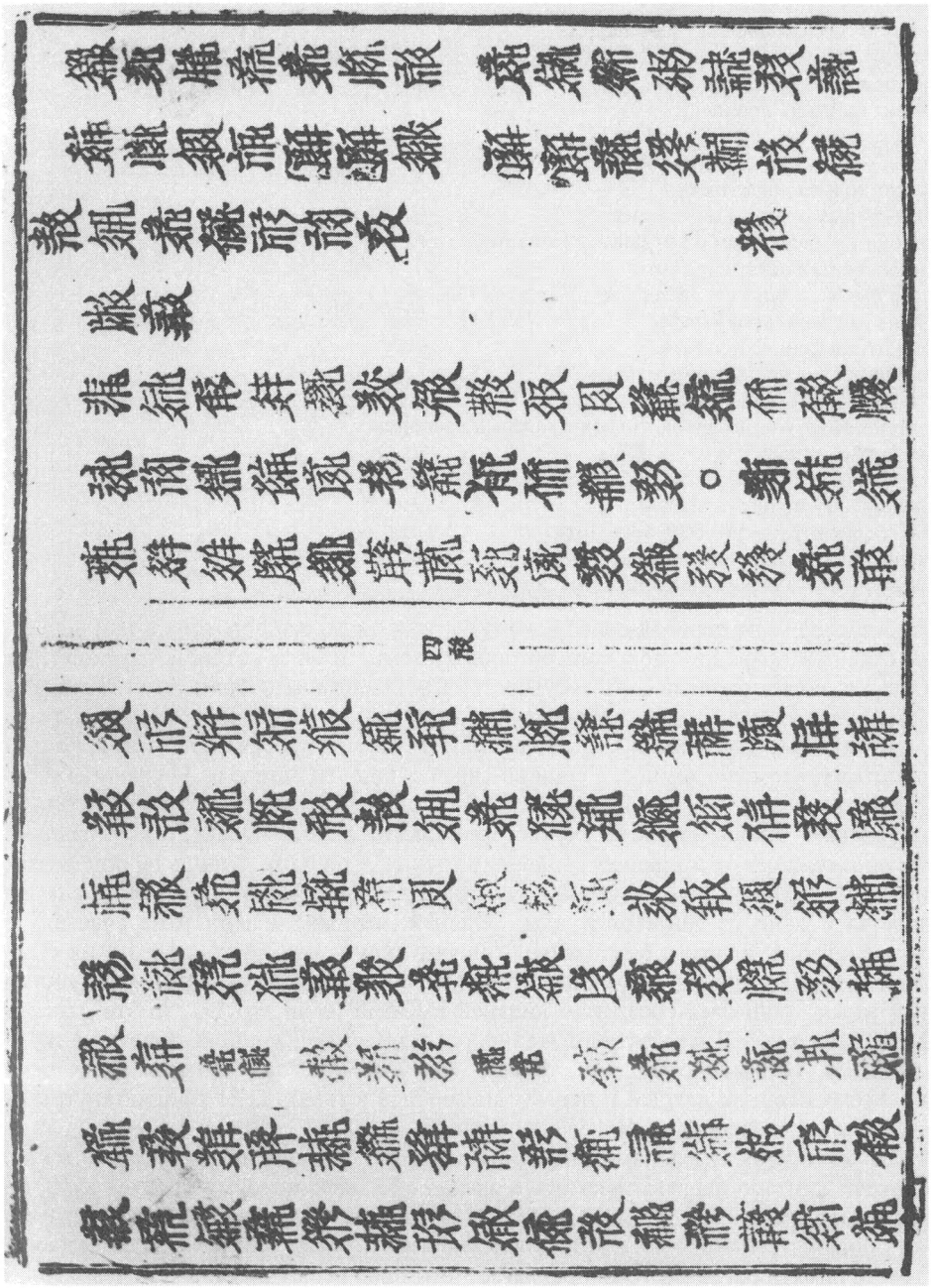

Рис. 2. Лист 2

Корень рода государей не прерывается,
Сыновья-потомки наследуют друг другу,
Молва о славном доме [государей]
Вознеслась и подобна павлину.
[Если] летнее солнце докучает жарой,
Где найти прохладу?
Снег лежит в горных ущельях,
В горах найдешь прохладу.
Разве лунный свет
Виден, оттого что небо темное?
И разве только после того,
Как из белых облаков выпал снег,
Становится очевидным, где границы [страны]?
Темные облака летят в пустоте,
Чисто дыханье луны,
Тонкие [шелковистые] травы
[Как] птица феникс и львята.
В одиночку идешь по горным лесам,
На просторах [слышен] рев [оленей].
А затем обнаружишь барсов, тигров и зеленых драконов!
Два человека идут,
Медленно ступают один за другим
И, на двух ногах идучи, падают
Там, где и одну [ногу] негде поставить.
Это время, когда начинаются осенние дожди
И снег в ущельях изнутри птичьи гнезда засыпал!

Ода безусловно не перевод с китайского. Хотя и в сдержанном тоне в ней восхваляется славный правящий дом императоров Нгвеми, трон в котором переходит от отца к сыну, и собственный путь государства Ся. Одержаны победы, это признано и соседями, нет больше бельма непризнания на их глазах. Описание природы страны определенно содержит намеки в духе Чань, луна (читай — государство Ся) ярко светит не потому, что небо темное, а сама по своей сущности, природе. И границы страны определяет не только выпавший из облаков снег, отделивший белое от черного. Белые облака — явный намек на учение Чань школы Белого облака, и выпадающий из этих облаков снег — это распространение учения, и он тоже отнюдь не определяет границ влияния Чань. Феникс — знак счастливого предзнаменования, лев — символ могущества и один из эпитетов Будды. Зеленый (черный) дракон тоже счастливое предзнаменование, а тигр и барс символизируют силу и храбрость людей и их страны. Явные иносказания и последние строки оды — под двумя медленно идущими людьми можно понимать соседей — киданей и Китай (если это так, то это относит текст оды к началу XII в.), из другого тангутского текста «Крупинки золота на ладони» мы знаем, что именно «кидани ступают медленным шагом»[14]. Их время — время упадка, время осенних дождей и первых снегопадов в горах. Снег проник внутрь их гнезда, т.е. упадок коснулся самого сокровенного.

Изучая на тексте этого памятника рифмованную поэзию на тангутском языке, д-р Аракава Синтаро перевел некоторые оды — «Человек, который следует пути воды и обретает знание» (с. 7б–8а оригинала), «Песни боли и тоски. Предостережение против тайных стрел» (с. 34а–38б) на японский язык[15]. Ниже для иллюстрации характера текста памятника автор тоже предлагает читателю несколько своих переводов:

[14] *Невский Н.А.* Тангутская письменность и ее фонды. Тангутская филология. Исследования и словарь в двух книгах. Кн. 1. М., 1960. С. 81.

[15] *Shintaro Arakawa.* About the Rhymes in Tangut Verses. Reanalysis of Tangut Rhyming Poetry in San shi shu ming yan ji wen // Kyoto University Linguistic Research. Vol. 20. Kyoto, 2001. P. 211–221.

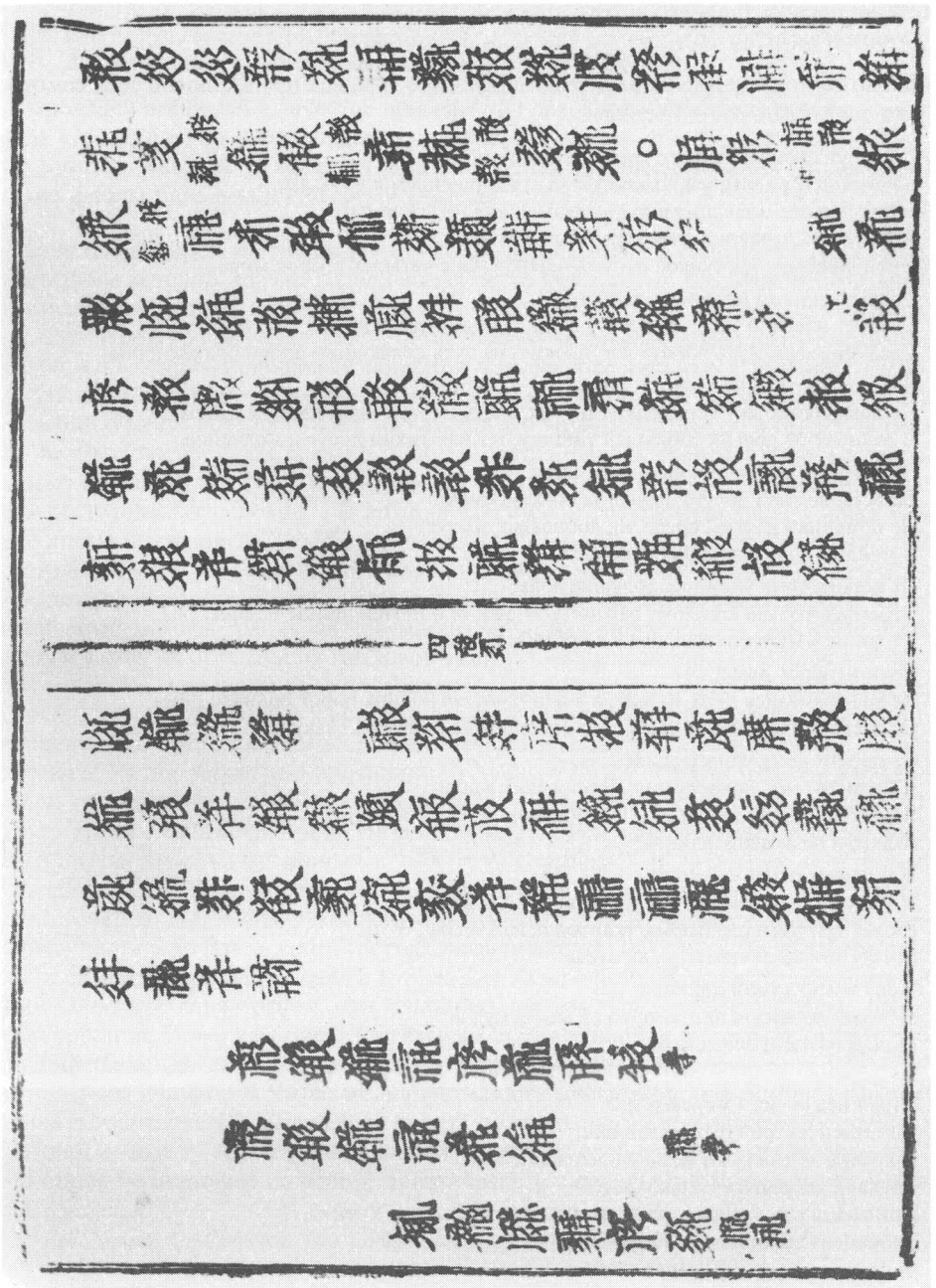

Рис. 3. Лист 3

Песня

Учитель есть [или] Учителя нет?
[Если] нет Учителя, [то] откуда знания?
А если есть знания, [но] нет Учителя,
Кто Учителя знает? (с. 3б)

Любопытны также «Двенадцать рекомендаций о том, как предостеречь себя самого тому, кто следует по пути Учения»:

1. Согласуй свои действия с тремя достоинствами:
   почитанием родителей, уважительным отношением к друзьям,
   соблюдением молчания и чудесного закона [саддхармы];
   Полностью отрешись от преступных действий
   и неправедных поступков окружающего тебя с четырех сторон мира.
2. Открыть ворота и закрыть ворота:
   Следует навечно закрыть ворота всем дурным намерениям.
   Следует распахнуть ворота вступлению на путь делающего добро бодхисаттвы.
3. Находясь в пути на рынке и дома:
   Не позволяй языку оскорблять других, сеять смуту и призывать к мятежу.
   В отличие от других соблюдай тишину, познай тихий досуг и молчание.
4. И на пути Учения и дома блюди себя:
   Во всем не знай досуга, навсегда оставь семью;
   Не причиняй другим вреда, не добивайся заслуг;
   В каждом деле блюди свое, особое!
5. От порога дома уходи на большие дела:
   Стремись только к самому важному — заботе о пути и пользе бодисаттвы,
   Сторонись мирских дел, даже не говори о них.
6. Покинь порог дома:
   Не задерживайся даже на миг, а в одиночестве покинь порог родного дома,
   От всего сердца десять тысяч дел свершая, не сможешь (лакуна).
7. От порога дома уйди в ночь:
   В полночь, под покровом ночи ищи свет вдали,
   Только прилагая все силы к постижению пути [Учения],
   Никогда не будешь одинок!
8. Жену имея, из дома уходи:
   И тремя зеркалами внутреннего света не подавить,
   [Если] три пути саддхармы (контроль над телом,
   речью и мышлением) приобретешь!
9. Жену имея, домой приходи:
   Праведную жизнь пять сторон (5 дхяни будда
   пяти регионов) освещают,
   Пять частей дхармакайя[16] в паре процветают.
10. Отрешись от всех мирских дел:
    Опираясь на три[17], Цзиньган-ван
    Мирские несчастья и беды уничтожает.
    Когда полагаешься только на себя,
    Прилагаешь все силы к тому, чтобы следовать пути Учения,
    То в поселениях не находишься.
11. Мирские домашние дела:
    Соблюдай тишину и молчание,

[16] Панча дхармакайя — пять атрибутов дхармакайя, или духовного тела Татхагата: он выше всех моральных установок, спокоен и свободен от всех заблуждений, мудр и всезнающ.

[17] Три силы (*сань ли*) — личная, Татхагаты и внутренняя природа Будды.

Как будто находишься в тюрьме.
Навечно отрешись от всех мирских докук и печалей!

12. Правила жизни приходящих и приезжающих:
Там, где грязно, как в грязной комнате, не живи.
Всегда будь чист душой (сердцем),
Других ложных [учений] не придерживайся (с. 38а–39б).

Приведенные выше в качестве примера три разных по характеру текста в какой-то мере характеризуют содержание памятника. Но можно с уверенностью сказать, что эта книга — важный и перспективный источник для исследования бытования буддизма школы Чань в тангутском государстве.

Книга, о которой мы ведем речь, — одна из немногих в собрании СПбФ ИВ РАН, в колофоне которой, как мы видели выше, четко указано, что она была отпечатана «живыми знаками», «подвижным шрифтом», т.е. набором. Проф. Ши Цзиньбо полагает, что эта книга и другие тангутские книги, отпечатанные подвижным шрифтом, — «самые древние образцы печати подвижным шрифтом в мире, сохранившиеся до наших дней»[18].

Известно, что книгопечатание появилось в Китае, однако не сохранилось никаких сведений о месте появления книгопечатания и о возможных лицах, с именами которых это великое изобретение связано. К X в. в Китае было достаточно широко распространено производство бумаги, в основном из тряпичной массы с добавлением различных растительных волокон[19]. В XII в. в тангутском государстве производили бумажные листы шириной до 30–35 см и длиной от 45 до 75 см. Согласно анализу 1963 г., произведенному во Всесоюзном научно-исследовательском институте целлюлозно-бумажной промышленности, сырьем для производства бумаги в основном служили «хлопчатобумажная тряпичная полумасса», «льняная полумасса» и пеньковое волокно. Тушь в Китае изготовляли из ламповой сажи с добавлением камеди (вишневой смолы). Эти исходные материалы способствовали появлению ксилографии — печатанию текста с доски, на которой он был вырезан в зеркальном отражении. Судя по находкам и сохранившимся текстам с упоминанием о печатных изданиях, книгопечатание появилось на западе Китая, вероятно в провинции Сычуань, в IX в.[20]. Первая известная пока науке книга, отпечатанная способом ксилографии, — «Алмазная сутра» датирована 10 мая 868 г. Это свиток длиной 4 м 80 см при ширине 24,4 см, отпечатанный с шести досок на семи листах бумаги, найденный в 1900 г. А. Стейном[21]. В X–XIII вв. при правлении в Китае династии Сун печатание книг способом ксилографии достигло своего расцвета[22] и стало успешно вытеснять рукописную книгу, хотя, как во многих странах мира, рукописная книга и печатная книга сосуществовали достаточно долго. Указывая на особенность развития книгопечатания в Китае, К.К. Флуг писал: «Согласно западноевропейским понятиям, ксилография, или печатание при помощи деревянных досок, представляло собой не более чем предварительный этап в развитии книгопечатания, подготовивший почву для изобретения подлинного искусства книгопечатания при помощи подвижного шрифта. В Китае же, напротив, книгопечатание при помощи досок с момента его появления пользовалось вплоть до последнего времени преимущественным значением, между тем как подвижный шрифт, в особенности первое время, — как некоторое не имеющее большого практического значения нововведение»[23]. Ниже мы

[18] *Ши Цзиньбо.* Си Ся хо цзы бань вэньсянь цзи ци тецзянь (Материалы Си Ся, напечатанные подвижным шрифтом, и их особенности) // Лиши вэньу (Исторические памятники). 1997, № 6. С. 22.

[19] *Лю Жэньгуань, Ху Юйси.* Во го гу чжи ды чу бу яньцзю (Первые шаги к исследованию бумаги нашего государства) // Вэньу (Памятники письменной и материальной культуры). 1976, № 5. С. 78.

[20] *Pelliot P.* Le début de l'imprimerie en Chine. Œuvres posthumes de Paul Pelliot. IV. P., 1953. C. 40–41.

[21] *Carter T.F.* The Invention of Printing in China and its Spread Westward. N.Y., 1955. C. 60.

[22] См.: *Флуг К.К.* История китайской печатной книги сунской эпохи. М.–Л., 1953.

[23] Там же. С. 57.

попытаемся ответить на вопросы: почему это было так, почему печатание подвижным шрифтом имело успех не в собственно Китае, а у тангутов и уйгуров и почему понадобилось почти два с половиной века, чтобы оно попало в Европу?

Известно имя изобретателя печатания книг набором — это был некто Би Шэн, и его изобретение датировано девизом правления Цин-ли (1041--1048). Би Шэн изготовил наборные знаки (шрифт) из глины, подвергал их обжигу. Наборной кассой ему служило приспособление, представлявшее собой железную доску, смазанную смесью из сосновой смолы, воска и бумажного пепла, на которую накладывалась железная рамка для разделения строк. Такая рамка заполнялась глиняными литерами, образуя сплошную доску для печатания — матрицу[24]. Затем он матрицу разогревал и покрывал сверху гладкой доской для выравнивания ее поверхности. Такой способ печатания давал эффект тогда, когда отпечатывались большие тиражи в несколько тысяч экземпляров книг и более. Для каждого знака изготовлялась отдельная литера, но знаков наиболее употребительных, служебных слов и т.п., делалось до двадцати и более. Позже наборной кассой служили деревянные ящики, в которых знаки размещались по рифмам, каждая рифма фиксировалась в наборной кассе бумажным ярлыком. Знаки, которых в наборной кассе не оказывалось, срочно изготовляли прямо на месте. Причина, по которой Би Шэн предпочел делать знаки из глины, а не из дерева, состояла в том, что деревянные литеры от влаги разбухали и поверхность наборного текста становилась неровной. Кроме того, деревянные литеры прилипали к матрице, а глина нет. Могила Би Шэна до сих пор сохраняется в уезде Иншань, провинции Хубэй. В надгробной надписи, в частности, говорится:

Хуайнаньский старец в холщовой одежде
Совершенномудрый господин Би Шэн...
Выделив один знак,
Понял, что он стоит десяти тысяч,
Вырезал знаки, расположил их в два ряда,
Это и есть сунское книгопечатание![25]

На данный момент пока не найдено ни одного текста на китайском языке, бесспорно отпечатанного подвижным шрифтом (набором), об этом есть лишь упоминания в литературе[26]. В написанной в 1298 г. книге Ван Чжэна «Нун шу» («Книга сельского хозяйства») есть раздел о способе печатания книг набором[27]. В этом тексте дополнительно поясняется, что наборные кассы располагали на вращающемся круге. Однако таких круга было два, отдельный круг использовался для наиболее часто употребляемых знаков. Работали два наборщика — один доставал нужную литеру, второй помещал ее в наборную кассу. Тушь наносили щеткой вдоль строк, после наложения бумаги отпечатки также получали с помощью щетки, которой проводили вдоль строк.

Итак, как объяснить, почему книгопечатание набором не получило распространения в самом Китае? Причина в китайской иероглифической письменности. В «Большом китайско-русском словаре» содержится более 15 500 знаков. Фактически их не менее чем в два раза больше, даже при выделении части наиболее употребляемых знаков наборные кассы были слишком громоздки. Матрицы с набранным текстом тоже не могли долго сохраняться. Поэтому печать с досок способом ксилографии все-таки оказалась удобнее. Доски хранились десятки, а то и сотни лет, и текст в случае необходимости можно было обновлять. Именно поэтому ксилография дожила в Китае до XX в. Исключительно китайским влиянием следует объяснить и то, что книги способом ксилографии печатали на тибетском и монгольском языках, тем

[24] Там же. С. 60–61.
[25] *Ши Цзиньбо, Ясин Ашури*. С. 16.
[26] Там же.
[27] Полный перевод этого текста см.: *Флуг К.К.* История китайской печатной книги. С. 64–68.

более что такие издания нередко осуществлялись и в Китае. В данном случае решающим фактором оказалась не целесообразность, а культурное влияние. Ниже на примере уйгурского книгопечатания мы можем убедиться в том, что и тибетцы и монголы вполне могли печатать свои книги набором.

Почему книгопечатание набором нашло свое применение в тангутском государстве Си Ся? Прежде всего потому, что тангутских письменных знаков насчитывалось значительно меньше, чем китайских, около 6500, в широком употреблении и того меньше, что и сделало печатание набором более приемлемым, хотя тангуты печатали очень много книг и способом ксилографии.

В предисловии к «Каталогу тангутских буддийских памятников» автор этих строк писал: «Печатание подвижным шрифтом, вероятно, стало утверждаться в Си Ся во второй половине XII — начале XIII в., так как до этого есть только упоминания о государственном управлении печатанием книг способом ксилографии, например в кодексе Си Ся»[28]. В нашем собрании нет ни одного датированного отпечатанного набором текста, кроме «Собрания слов...», которому посвящена эта статья. В рукописном тексте, датированном 17 июня — 17 июля 1216 г., в пространном колофоне упоминается должностное лицо, ведавшее печатанием книг набором: «Просмотрел текст для императора направляющий-столоначальник печатания книг подвижным шрифтом, начальник мастерской Вон Тву-мбиу» (вероятно, китаец Ван Чжун-цзинь)[29].

Проф. Ши Цзиньбо также считает, что печатание набором получило развитие в Си Ся с середины XII в. По его мнению, первоначально использовались литеры, изготовленные из глины, а затем из дерева[30]. Не владея соответствующими навыками, я не стану вдаваться в детали возможного различения текстов, набранных или с глиняных литер, или с литер деревянных, а также высказывать твердую уверенность в том, что текст отпечатан набором только по косвенным признакам, когда на это нет указания в колофоне. Обычно обращают внимание на ряд технических признаков, по которым можно предполагать, что книга отпечатана подвижным шрифтом. Это в первую очередь неровность строк (строки), различие в пропечатке знаков в одной строке и т.п. Проф. Э. Гринстед, издавая тангутские тексты из собрания Раху Вира в Индии (микрофильмы были получены от нас и из КНР), высказал соображения о том, что некоторые из них были отпечатаны подвижным шрифтом[31]. Проф. Л.К. Гудрич в частном письме к проф. Р.В. Вяткину, а затем к автору этих строк просил найти среди текстов из Хара-Хото тексты, отпечатанные набором, и опубликовал статью на эту тему[32]. Предположительно, что среди печатных книг коллекции П.К. Козлова из Хара-Хото может оказаться немало книг, отпечатанных подвижным шрифтом. Но, прежде чем это утверждать, следует, возможно, вместе со специалистами в области полиграфии выделить ряд достаточно надежных признаков, указывающих на использование набора. Ведь отдельные недочеты могли быть допущены и резчиками досок для печатания способом ксилографии, упущения могли иметь место и в процессе печатания.

В 1908 г. в Могаоку (Дуньхуан) в гроте № 181 (по современному китайскому каталогу № 464), построенном во времена существования тангутского государства Ся, были найдены деревянные литеры уйгурского письма для печатания книг набором. В настоящее время они хранятся в Музее Гимэ в Париже. Это выпуклые, рельефные, вырезанные в зеркальном отображении литеры из грушевого дерева или китайского каштана (жужуба). Литеры соответствовали:

---

[28] Каталог тангутских буддийских памятников Института востоковедения Российской Академии наук. Сост. Е.И. Кычанов. Университет Киото. Киото, 1999. С. 23.

[29] Там же. С. 491–492.

[30] *Ши Цзиньбо, Ясин Ашури.* С. 40–41.

[31] *Grinstead E.* The Tangut Tripitaka. New Delhi, 1973. P. 4–6.

[32] *Goodrich L.C.* Movable Type Printing: Two Notes // Journal of the American Oriental Society. 1974. Vol. 94, № 4. P. 466–477.

1) буквам уйгурского алфавита (а, и, к, м, р и т.д.);
2) отдельным словам уйгурского языка (бурхан-будда, уч-три);
3) основам уйгурских слов;
4) аффиксам уйгурского языка;
5) сочетаниям букв (мд, кд и т. п.);
6) чертам и точкам, используемым в письме.

То есть это была хорошо разработанная и гибкая система набора текста[33]. Такая система явилась продвижением книгопечатания не только в иную языковую среду, но и в иную систему письма, письма не иероглифического, каковыми являлись китайское и тангутское письмо. Это был настоящий прорыв в будущее книгопечатания, прорыв, который остался в туне и в силу определенных причин не стал достоянием ближневосточных и европейских культур.

Одновременно, вероятно, в XIII в. в Корее был сделан еще один шаг к совершенствованию книгопечатания. Чиновник Ли Гу Бо (ум. 1241 г.) оставил воспоминания о том, что его отец отпечатал книгу наборным шрифтом, изготовленным из металла[34]. В 1403 г. в Корее было отлито из металла 10 тыс. иероглифов для печатания книг набором. Книгопечатание книг набором в Японии появилось в XVI в. В целом же в Корее и Японии, как и в Китае, книги печатали способом ксилографии.

Дойдя до границ исламских культур Средней Азии и Ближнего Востока, навыки книгопечатания подвижным шрифтом не получили дальнейшего распространения. Тому были свои причины. В этом регионе бумага, привозимая из Китая, стала первоначально известна в Иране с конца VI — начала VII в. Производство ее было освоено после военного столкновения Арабского халифата и танского Китая в середине VIII в. от пленных китайцев в Самарканде. Лишь со второй половины X в. бумагу стали изготовлять в сирийских и иракских городах. Появление бумаги, заменившей папирус и пергамен, создало основу «расцвета арабской литературы и науки, сопровождавшегося массовым изготовлением рукописных книг»[35]. Старейшие персидские рукописи относятся к XI в.[36]. «Книжная продукция производилась в средневековом Иране на двух языках (арабском и персидском. — *Е.К.*), насчитывала многие сотни рукописей и отличалась исключительным разнообразием. Над копированием и продажей произведений персидской и арабской словесности трудились поколения многотысячной армии писцов... Профессиональные переписчики в массе своей работали индивидуально, выполняя заказы как авторов, так и читателей»[37].

Ближневосточная рукописная книга отличалась высокими художественными достоинствами, она была дорогой и поэтому не массовой, даже при условии сравнительно широкой грамотности городского населения. Священный для мусульман Коран должен был только переписываться. Поэтому религиозная и культурная традиции книги на Ближнем Востоке не приняли книгопечатания. Сменив буддизм и став религией уйгуров, ислам не востребовал достижений уйгурского (дальневосточного) книгопечатания, не принял их, и, соответственно, ближневосточная книга не стала мостом передачи искусства книгопечатания с Дальнего Востока в Европу. Книгопечатание пришло на Ближний Восток уже из Европы.

В 1727 г. Ибрагим Мутофорил, уроженец Трансильвании, пытался начать печатание книг в Оттоманской империи. Типография его вскоре была разгромлена. Как пи-

[33] *Ши Цзиньбо, Ясин Ашури*. С. 92–105.

[34] *Петрова О.П.* Описание письменных памятников корейской культуры. Вып. 1. М.–Л., 1956. С. 8.

[35] *Халидов А.Б.* Рукописная книга в арабской культуре // Рукописная книга в культуре народов Востока. Очерки. Книга первая. М., ИВЛ. 1987. С. 292.

[36] *Акимушкин О.Ф.* Персидская рукописная книга // Рукописная книга в культуре народов Востока. С. 360.

[37] Там же. С. 375.

сала Л.В. Дмитриева, «книгопечатание встретило яростную оппозицию со стороны духовенства и поддерживающих его феодалов, видевших в книгопечатании вероотступничество: имя Бога и ниспосланный им Коран не должны были воспроизводиться на бумаге механически, к тому же эту бумагу при печатании будут держать грязные руки (или же рука гяура), а в текст Корана могут вкрасться ошибки»[38]. Против книгопечатания на Ближнем Востоке выступили и переписчики книг, ремесленники, связанные с производством рукописной книги. В результате первоначально для Ближнего Востока оказалась более приемлемой литография, которая не лишала переписчиков работы. Литография на Ближний Восток и в Индию тоже пришла из Европы.

Таким образом, к середине XII — началу XIII в. в Китае и соседних регионах — тангутском государстве Си Ся и уйгурском государстве Кочо (Гаочан) ксилография стала заменяться книгопечатанием набором, т.е. печатание книг примерно на 350 лет раньше вышло на тот уровень, который соответствовал европейскому книгопечатанию середины XV — XVI в. Кажется, эти выдающиеся достижения общечеловеческой культуры не получили в то время дальнейшего широкомасштабного развития. Исламский мир еще не испытывал потребности в печатной книге, и конкретные пути заимствования Европой книгопечатания с Дальнего Востока и из Центральной Азии до сих пор остаются загадкой для науки. Если такое заимствование вообще имело место.

Summary

Ye.I. Kychanov
Some Preliminary Remarks about the Tangut Text
The Collection of Words Transmitted through Three Generations from One Person to Another

The collection of Tangut (Hsi Hsia) texts, which were written according to the tradition of the Chinese Buddhist school (Chan), was compiled by two monks—Hui Ming and Dao Hui—approximately in the middle of the 12th century. The publication of these texts is an evidence of the existence of the White Cloud doctrine—a very popular school of the Chan in China in the 11th and 12th century—in the Tangut Hsi Hsia State (982–1227). The scholars believe that the adepts of the White Cloud school were recruited mainly from the educated Buddhists and state bureaucrats. Some texts of this collection have been already translated into Russian, Japanese and Chinese. In the present article, the author also includes a few translations of his own.

The unique feature of this collection is the way of its manufacture. This is the only one known Tangut book printed with a movable script. The name of a Chinaman called Chen Ji-jin, who made the type for printing, can be found in the colophon. Taking this into consideration, the author deals with the history of printing in China, which dates back to the 40s of the 11th century when Bi Shen invented the way of printing with movable script. The author argues why such printing had not been the predominant one in China until the 20th century, while it spread over the territories of the Tangut Hsi Hsia State and the neighbouring Uighur Kocho State. When compared to the Chinese hieroglyphic script, the Tangut one has much less signs. Obviously this facilitated printing. The parts of the Uighur movable script, which were found at Mogaoku (Dunhuan) in 1908, show that such printing had been used in China as well as by the Tanguts and Uighurs 350 years earlier than it was brought into operation in Europe. Printing with movable script did not spread over to the Middle East because there was a strong tradition of manuscript production there. The confessional differences should also been considered. It is still unclear if there is any connection between the invention by Gutenberg and the introduction of printing with movable script in China and the Central Asia.

[38] *Дмитриева Л.В.* Турецкая арабописьменная рукописная книга // Рукописная книга в культуре народов Востока. С. 471.